

About the actual family conditions, or "orphans" and "quasi-orphans" of civil law

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-262-271

Research article

Full text in Russian

Some (most significant) actual family conditions are considered, their essence and the importance attached to them by civil doctrine, family and civil legislation and judicial practice. In particular, the characteristics of actual upbringing, actual divorce, actual marriage are given, gaps or unfair decisions in the law are fixed, options for overcoming both are proposed: the definition of the concept of actual upbringing is criticized (in one of the bills), the position of the legislator on actual marriage and actual divorce (actual termination of marital relations) is compared, the bill on protection of the rights and interests of widows who were in actual marital relations with the deceased participants of a special military operation.

Keywords: actual conditions; actual upbringing; actual divorce; actual marriage; legal significance; family law; gaps; unfair decisions

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.
-----------------------	---

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

О фактических семейных состояниях, или «сиротах» и «квазисиротах» цивилистики

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-262-271
УДК 347.61/64

Научная статья
Полный текст на русском языке

Рассматриваются некоторые (наиболее значимые) фактические семейные состояния, их сущность и значение, придаваемое им цивилистической доктриной, семейным и гражданским законодательством и судебной практикой. В частности, дается характеристика фактическому воспитанию, фактическому разводу, фактическому браку, фиксируются пробелы или несправедливые решения в законе, предлагаются варианты преодоления тех и других: критикуется определение понятия фактического воспитания (в одном из законопроектов), сравнивается позиция законодателя по фактическому браку и фактическому разводу (фактическому прекращению супружеских отношений), анализируется законопроект о защите прав и интересов вдов, состоявших в фактических брачных отношениях с погибшими участниками специальной военной операции.

Ключевые слова: фактические состояния; фактическое воспитание; фактический развод; фактический брак; юридическое значение; семейный закон; пробелы; несправедливые решения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Фактические состояния относятся к наиболее сложным и неочевидным по своей сущности разновидностям юридических фактов. Они активно проявляют себя во всех блоках правового пространства, хотя и с различными функционалом и энергетикой. Однако внутри данного конгломерата при-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

существует их особая разновидность, которой субъективной волею законодателя придано юридическое значение в тех или иных цивилистических композициях, – фактическое принятие наследства, фактическое выполнение работы (до заключения трудового договора), фактическое прекращение брака (фактический развод), фактическое воспитание и др.

Поскольку автор тяготеет к семейно-правовой проблематике (коя, несмотря на суверенность семейного права и закона, имеет цивилистическую «оправу») – заявленные «сироты» и «квазисироты», по своему происхождению и жизненным обстоятельствам, содержат преимущественно семейные элементы, – остановимся на краткой характеристике узаконенных (и не-узаконенных) фактических семейных состояний. Так, например, фактическое воспитание относится к числу таких объектов, которые законодатель регулирует опосредованно, с помощью косвенных намеков о своем к нему отношении. Эти намеки содержали и предыдущие семейные кодексы – КЗоБСО РСФСР 1926 г. (ст. 42) и КоБС РСФСР 1969 г. (ст. 80–81): несмотря на отсутствие в перечне форм попечения над детьми, фактическое воспитание являлось базисным юридическим фактом для возникновения алиментных обязательств между фактическим воспитателем и фактическим воспитанником и, следовательно, через конструкцию означенных обязательств получало «прописку» на территории права. Однако в первом случае долженствование исходило от взрослого лица, во втором – предусматривалась ориентация на взаимность прав и обязанностей. В Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) (ст. 96) вновь введена односторонность, но «пирамида» ее своим острием направлена к бывшему фактическому воспитаннику, ставшему совершеннолетним и трудоспособным (в рамках второй очереди). Столь разные подходы вряд ли имеют надежное объективное обоснование – скорее речь идет о субъективном восприятии законодателем того или иного времени явления фактического воспитания и правового положения субъектов данных отношений.

В доктрине не без основания отмечалось, что опосредованное придание фактическому воспитателю частичного семейно-правового статуса было обусловлено запретом отыскания внебрачного отцовства (с 1944 г.) либо ограничением его судебного установления (с 1968 г.) [1, с. 175–176]. Впрочем, это хотя и весьма печальные для российского (советского) законодательства обстоятельства, они составляли частный случай общей проблемы не вполне удовлетворительного попечения над детьми с помощью узаконенных форм, а также были обусловлены распространением (в отдельные периоды российской истории) юридически не оформленной (из-за удаленности территории, пожилого возраста и др.) заботы о ребенке, оставшемся без попечения родителей.

Специфическим видом фактического воспитания является забота о ребенке со стороны мачехи/отчима (ст. 97 СК РФ). Эти две субъектные вариации объединяет косвенное семейно-правовое регулирование (и соответствующее признание) посредством включения означенных лиц в структуру алиментных обязательств. Вторая частная разновидность обусловлена односторонним усыновлением/удочерением в браке, третья – заботой о ребенке со стороны супруга матери. Как остроумно отмечено в доктрине, подобные формы фактического воспитания как бы проходят «фильтрацию» через соглашение между родителем/усыновителем (удочерителем) [2, с. 53], по сути, непоименованного договора семейно-правовой природы (последние, как известно, не вполне явственно заявлены в семейном законодательстве, однако с учетом разрешения нормы ст. 4 СК РФ о субсидиарном применении в семейной сфере гражданского закона, не без оговорок, все же приобретают право на существование).

Еще более своеобразный вариант фактического воспитания может обнаружить себя в ходе судебного (или административного) разбирательства: например, при рассмотрении иска отца ребенка к его матери будет установлен факт перепоручения воспитания и в целом заботы о нем – бабушке или другим родственникам, что, среди прочего, станет основанием для удовлетворения искового требования отца.

Наконец, не менее (если не более) специфическим образом фактического воспитания является участие в заботе о ребенке со стороны предполагаемого биологического отца: данное обстоятельство оценивается судом, в процессе по делу об установлении отцовства, в качестве косвенного доказательственного факта внебрачного родительства. В настоящее время, в силу доминирования такого средства доказывания, как генетическая экспертиза, доказательственная сила подобного факта существенно утрачена, в отличие от периода действия нормы ст. 48 КоБС РСФСР. Впрочем, и не дезавуирована полностью, особенно в ситуации отказа ответной стороны от участия в экспертном исследовании. В этом случае, как известно, суд вправе подключить норму ч. 4 ст. 79 ГПК РФ о признании факта установленным, однако при условии наличия некоторой массы другого доказательственного материала (необходимость его очевидна, так как норма имеет диспозитивный характер и не может применяться огульно, без обоснованного, мотивированного судебского усмотрения). Иной она и быть не могла, в силу преимущественно диспозитивного характера энергетики гражданско-процессуальной формы.

Несмотря на «квазиузаконения» различных вариаций фактического воспитания, современный законодатель, как показывает анализ законопроектной работы в семейно-правовой сфере, не стремится ни к переходу к прямому регулированию данных отношений, ни к полному исключе-

нию их из системы объектов своего внимания. Следует все же заметить, что в одном из законопроектов среди предложений о нормировании понятийного аппарата семейного законодательства все же предложена дефиниция фактического воспитания (через субъектов): «фактические воспитатели – не являющиеся лицами, на попечении которых находится ребенок, совершеннолетние лица, добровольно участвующие в воспитании и (или) содержании ребенка» (п. 16 ст. 2.1. СК РФ «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе»)¹. Полагаем данную формулировку избыточно широкой и, соответственно, неточной: в подобный «клуб» можно принять не только членов с понятным практике функционалом, но и благотворителей, волонтеров, репетиторов и т. п. Видимо, если уж рисковать дефинированием (а в семейно-правовой сфере это дело трудное, может быть, и неблагоприятное [3]), то в качестве критерия разумнее всего обозначить «выполнение предусмотренных законом функций опекуна/попечителя – без юридического оформления».

Существенно более законодательно или правоприменительно оформленной является конструкция фактического развода (фактического прекращения супружества – брачных отношений). Состояние «законных супругов» в таковых отношениях проецирует не менее трех значимых предположений. Первое: норма ч. 4 ст. 38 СК РФ предусматривает право суда, при установлении означенного факта, признать имущество, приобретенное супругами в этот период, раздельным. Следует заметить, что данное правовое положение отсутствовало в КоБС РСФСР 1969 г. Оно явилось следствием сложившейся перед принятием СК РФ соответствующей судебной практики (включая уровень Верховного Суда СССР²), что свидетельствовало, с одной стороны, о разумной, справедливой оценке сущности сложившейся ситуации, с другой – о явном переходе границы между расширительным толкованием КоБС РСФСР, в рамках судебного усмотрения, и правотворчеством, причем в ситуации «перекрытия» императивной семейно-правовой нормы[4, с. 43].

Второе: фактический развод может стать основанием для определения места жительства ребенка и/или порядка общения с ним отдельно проживающего родителя (судебным решением либо соглашением). Например, если он остался под непосредственным попечением одного из родителей, то, как правило, это будет свидетельствовать об уровне и качестве заботы мамы и папы (за исключением случаев злоупотребления правом). На-

¹ См. Законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи». URL: // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7> (дата обращения: 02.09.2024).

² Ч. 3. п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28.11.1980 г. № 9 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 1. С. 12–17.

конец, третье: фактическое прекращение супружества признается весьма значимой причиной и основанием судебного прекращения брачного союза. Добавим: и доказательственным фактом реальности развода, если в суде, в рамках другого дела (например, о банкротстве и др.), обсуждается вопрос о фиктивности расторжения брака [5]. Однако сама задача суда в вопросе данной фиктивности не проста: личный характер связи затрудняет законодательное решение и препятствует судебному (суды лишь применяют неблагоприятные последствия фиктивности развода только в части имущественных правоотношений [6]), не затрагивая судьбы самого доминирующего отношения (не принуждать же граждан, как в прежние времена, исками о водворении жены к мужу, к воссоединению...).

Наиболее «сиротливо» выглядит конструкция (явление) фактического брака. Он, безусловно, относится к разновидностям семейных союзов (это еще более очевидно при наличии в нем общих детей). В последние годы тема о юридическом признании фактических брачных отношений активно вернулась в дискуссионное пространство и получила некоторое число сторонников. В частности, ими отмечается склонность противников обсуждаемого признания к «морализаторству», что отнюдь не тождественно справедливой этической оценке ситуации [7]. Оппозиционерами же обсуждаемого признания высказываются соображения из разряда «принципа талиона»: если женщина и мужчина предпочитают выстраивать свои отношения без вмешательства государства, то и от государства не следует ждать правовой защиты их интересов [8], в том числе при возникновении конфликтной ситуации.

Между тем, во-первых, для государства социального типа подобный подход не должен быть характерен: законодателю прежде всего следует ориентироваться на справедливую и эффективную защиту прав граждан. Во-вторых, как показывает практика, в большинстве случаев между партнерами, объединившимися в фактический семейный союз, наличествует согласие о совместной семейной жизни, но не достигается согласия именно по вопросу ее государственной регистрации в образе формально-юридического брака: при этом именно мужчины, как правило, не проявляют означенной готовности, женщины же, стремящиеся к созданию семьи и материнству, вынуждены либо молчаливо мириться с такой позицией «сильного пола», либо проявлять внешнюю, но вынужденную с ним солидарность (за исключением суперсовременных представительниц, в том числе из делового мира, пекущихся о сохранности своего имущественного состояния и/или беспокоящихся о том, что партнер является скрытым «альфонсом»). Вынуждены констатировать, что патриархатный контекст рассматриваемого вида отношений, несмотря на декларирование гендерного равенства, пока активно в социальных практиках присутствует, наследуя в этом вопросе и добро, и зло российской «женской истории» [9; 10]. Более того,

как следует из переписей населения, женщины в такой ситуации, как правило, полагают себя состоящими в браке, а мужчины – свободными от него, что и приводит к существенно различному цифровому показателю брачности женщин и мужчин [11, с. 15].

При этом фактические семейные союзы также дифференцированы по ряду значимых характеристик: фактический брак при отсутствии зарегистрированного супружества (у одного или обоих партнеров), союз с общими детьми, фактическое супружество с нарушениями требований, предъявляемых к «законному» браку, супердлительный семейный союз (25 лет и более), нетрадиционные гендерные партнерства. В зависимости от этого и должна выстраиваться реакция российского общества, доктрины, законодателя и правоприменителя. Так, на одном полюсе находятся однополюсные союзы, которые противоречат и традиционным российским семейным ценностям, и конституционно-правовому смыслу норм о семье и браке, а следовательно, предполагают отрицание какой бы то ни было правовой защиты (именно как семьи, а не как отдельных субъектов – российских граждан; последние в своих правах, кроме права на «брак» означенного типа, ущемлению не подлежат). На другом полюсе – фактические семейные союзы с детьми. Именно они в первую очередь должны стать частью защищаемого брачного пространства. Недаром в законопроектах о правовой защите фактического брака присутствуют акценты на безусловное признание их семейной сущности³. При этом, на наш взгляд, не относятся к разновидностям фактического брака так называемые «гостевые браки», так как в них отсутствует ключевой юридически значимый фактор, объединяющий женщину и мужчину, – совместное проживание с общим ведением домашнего хозяйства [12]. В этом смысле, пожалуй, небезынтересно подчеркнуть, что фактический союз – больше брак, нежели зарегистрированный, так как он предполагает совместные проживание и экономику, в то время как последний основан на свободе выбора места жительства каждого из супругов... (ст. 31 СК РФ).

Несмотря на попытки изменить ситуацию с «классическим» фактическим браком, российские законодатели по-прежнему жестко «стоят на страже» зарегистрированного брачного союза. В связи с этим в доктрине, в рамках противоположной позиции, осуществляется поиск поэтапных компромиссов. Например, предлагается предусмотреть семейно-правовую защиту имущественных прав и интересов «пережившего» фактического супруга (при условии соответствия союза требованиям, предъявляемым СК РФ к «законному» браку) [13, с. 123–124]. В доктрине обсуждаются

³ См., например, законопроект сенатора А. Белякова № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (по вопросу о статусе фактических брачных отношений). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 02.09.2024).

и другие интересные вариации посмертного юридического признания фактических брачных отношений [14].

В настоящее время судебная практика идет по пути подобной защиты, если только такой супруг находился на иждивении умершего, то есть строго в рамках наследственного законодательства. В 2024 году, после обращения к Президенту РФ фактических вдов участников СВО, в Государственную Думу был внесен законопроект о распространении на них, в части социальных льгот, статуса, равному вдовам, состоявшим в зарегистрированном браке⁴.

Хотя означенная инициатива и является шагом в правильном направлении, «пробивает брешь» позиции категорического отрицания семейной сущности фактического супружества, необходимо решение принципиального характера, обеспечивающее охрану и защиту обсуждаемых отношений и при жизни, что с гуманистической точки зрения не менее важно. Оно должно, на наш взгляд, строиться на нескольких основаниях. Первое: фактический брак – это союз женщины и мужчины, заключенный с целью создания семьи, характеризующийся длительным и устойчивым совместным проживанием, ведением домашнего хозяйства, с соблюдением условий и запретов, предусмотренных для зарегистрированного супружества. Второе: длительность фактического супружества не должна быть формально-жестко «оцифрована», так как все подобные жизненные ситуации весьма индивидуальны, следовательно, ставку необходимо делать на справедливое и обоснованное судебское усмотрение, которое в принципе характерно для семейно-правовой сферы, нормативно выстраивающейся на основе предписаний с относительно определенным содержанием, прежде всего ситуационных [15]. Третье. Общее разумное требование о соответствии фактического союза условиям действительности «законного» брака в целом может быть принято, однако при возможности некоторых исключений. Во-первых, нельзя забывать об институте недействительности, а в нем – о конструкции добросовестности одного из супругов. Это положение может быть распространено и на отношения в фактическом браке. Особенно это важно для случаев, когда фактический супруг долгие годы скрывал факт состояния в зарегистрированном браке. Во-вторых, в жизни встречаются случаи формального нахождения в последнем и длительного – в браке фактическом (да еще с общими детьми или с детьми, для которых фактический супруг был фактическим добросовестным отчимом). Именно поэтому целесообразно не только срок пребывания в фактическом

⁴ Льготы для фактических вдов участников СВО коснутся также гражданских. URL: <https://www.interfax.ru/russia/945641> (дата обращения: 14.08.2024); Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 02.09.2024).

семейном союзе, но и другие его характеристики адресовать правоприменительной практике [16]. Для ориентиров такого, прямо скажем, непростого вида судебного усмотрения хотелось бы также дождаться и правовой позиции Верховного Суда РФ – о толковании оценочных понятий, дифференциации семейных ситуаций обсуждаемого типа, возможных судебных ошибках [17–18].

Предложенные размышления свидетельствуют о пробелах и несправедливых правовых позициях законодателя относительно регламентации фактических семейных состояний (с разной степенью напряженности) – в отличие от иных подобных явлений цивилистической природы, которым «сиротская доля» не досталась и кои рассматриваются в качестве нормы жизнедеятельности в пространстве права и закона.

Ссылки

1. Шахматов В. П. Законодательство о браке и семье. Практика применения, некоторые вопросы теории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 210 с.
2. Леженин В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992. 152 с.
3. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3 (71). С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.
4. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 40–48. DOI 10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048.
5. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Фиктивность в семейно-правовой сфере: продолжение следует // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 45–65. EDN UNUXWV.
6. Микрюков В. А. Пределы в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 6. С. 46–56. DOI 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056.
7. Халецкая Т. М. Фактический брак: нужно ли регулировать возникающие в нем отношения? // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Бычкова, С. И. Суслова. Иркутск, 2020. С. 132–138. EDN CWEDRL.
8. Косова О. Ю. «Фактические браки»: и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120. EDN TTGNPH.
9. Тарусина Н. Н., Федотов А. И. Очерки о женской и мужской ментальности в российских институтах супружества и родительства (до середины XIX века) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 3. С. 426–439. DOI 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439.

10. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство: социально-юридический этюд // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 213-221. DOI 10.26456/vtpravo/2025.1.213.
11. Чечот Д. М. Брак, семья, закон. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 208 с.
12. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78-85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85.
13. Михайлова И. А. Гендерное равенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 8. С. 119-129. DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
14. Богдан В. В. Брак post mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 3. С. 106-124. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
15. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 254-273. EDN YZYBVB.
16. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11-13. DOI 10.18572/1999-477X-2025-2-11-13.
17. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364-381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381.
18. Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95-109. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-2-95-109.